

УДК 94(37-11:477.75)
DOI 10.24411/2219-8857-2017-00011

С. Б. Сорочан

О «ПЕЩЕРЕ ПАРФЕНОН» В ХЕРСОНЕСЕ*

Проблема локализации «пещеры Парфенон», о которой сообщают «Жития епископов Херсонских», неоднократно становилась предметом научного исследования. В результате на научное обсуждение было вынесено множество версий, по мнению их создателей, позволяющих определить ее расположение. Мое исследование было проведено с целью разбора этих гипотез. Изучив вопрос, прихожу к выводу, что данные топографии Херсонеса—Херсона позволяют наиболее убедительно связать искомый памятник с мучеником с подземной криптой в квартале III в восточной части города. Святилище, существовавшее здесь, в нескольких десятках метров от теменоса Парфенон, возможно, с конца эллинистической эпохи или с первых веков н.э. В IV в. оно было заброшено, а на его месте возник хозяйственный комплекс ранневизантийского времени. Затем, после неизвестных нам событий, скорее всего, связанных с благочестивыми поисками горожанами своих христианских реликвий, оно вновь стало местом поклонения христиан, устраивавших взамен языческих свои святыни.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Жития епископов Херсонских, Парфенон, Византия, агиография, топография.

Сведения об авторе: Сорочан Сергей Борисович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина.

Контактная информация: 61000, Украина, г. Харьков, Майдан Свободы, 4, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина; тел.: +380 (57) 707-52-70, e-mail: ssoro4an@gmail.com.

S. B. Sorochan

ABOUT THE “PARTHENON CAVE” IN CHERSONESOS

The problem of localization of the “Parthenon Cave” reported by the “Lives of the Bishops of Cherson” has repeatedly been the subject of scientific research. As a result, many versions were made for scientific discussion in the opinion of their creators, which made it possible to determine its location. My research was conducted to analyze these hypotheses. Having studied the issue, I come to the conclusion that the data of the topography of Chersonesos—Cherson make it possible to most convincingly link the sought-after monument with the Martyrium with the underground crypt in quarter III in the eastern part of the city. The sanctuary that existed here a few dozen meters from the temenos Parthenon is possible from the end of the Hellenistic era or from the first centuries CE. In the 4th century. it was abandoned and in its place arose the economic complex of early Byzantine times. Then, after events unknown to us, most likely connected with the pious searches of townspeople by their Christian relics, it again became the place of worship of Christians who arranged their sacred places in return for pagan ones.

Key words: Tauric Chersonesos, Lives of the Cherson Bishops, Parthenon, Byzantine Empire, hagiography, topography.

About the author: Sorochan Sergey Borisovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the History of the Ancient World and the Middle Ages, Karazin Kharkov National University.

Contact information: 61000, Ukraine, Kharkov, 4 Majdan Svobody, Karazin Kharkov National University; tel.: +380 (57) 707-52-70, e-mail: ssoro4an@gmail.com.

* Статья поступила в номер 21 сентября 2017 г.
Принята к печати 10 октября 2017 г.

Таврический Херсонес, византийский Херсон, богат на памятные места, тесно связанные с самыми разными, подчас судьбоносными культурно-историческими событиями. Недаром он стал местом розыска мощей Клементя Римского, предпринятых Константином Философом. Одним из таких сакральных мест его культурного пространства для херсонитов, а, значит, и для ромеев, стала «некая пещера, именуемая Парфеноном» («Парфенон», «Парфенона», «Парфенония», «Девическая»), о которой сообщает раннесредневековый агиографический источник — «Жития епископов Херсонских». Проблема ее локализации неоднократно становилась предметом исследования. Пещеру помещали как в городе, так и за его пределами. Хотя большинство версий Житий достаточно точно указывают на местонахождение «пещеры Парфенон» именно в городе. Они сообщают, что в IV в. один из первых епископов города — Василей, прибыв в Херсонес, вынужден был укрываться от глаз враждебно настроенных к нему горожан — «поклонников идолов», язычников («эллинов») и иудеев «в некой пещере, именуемой Парфеноном» (в старославянском переводе — «Девической») (Жития епископов Херсонских 2012: 22—23, 25—26, 28—30, 45, 46, 48, 49, 55—56, 60—61, 65—66, 83—84, 88, 89, 99, 50). Здесь, «в городе», «внутри города», «в пещере», нашли его родственники умершего сына архонта, одного из «начальствующих», протевонов, и упросили епископа пойти с ними за город, на кладбище, к могиле покойного, дабы совершить чудо воскрешения (Жития епископов Херсонских 2012: 25, 26, 60, 84). Следовательно, упомянутая «пещера, именуемая Парфеноном», с точки зрения агиографа, скорее всего, местного клирика, игумена или епископа, находилась внутри города. Лишь синаксарные грузинская, константинопольская (причем в латинском переводе) и армянская версии Житий говорят о ней, как о расположенной где-то вне города, даже на некой «горе», что отходит от указаний протографа источника и является обычным агиографическим топосом — клише, детали которого не волновали пересказчиков, исходивших лишь из логики того, что, по рассказу, Василей был бит, изгнан язычниками и, значит, его укрытие должно было быть за городом (Рыжов 2015: 49, 50, 99, 118). Так или иначе местонахождение этого памятника со временем не могло не стать сакральным для херсонеситов. Опираясь на данные христианской топографии города, которые прекрасно знал составитель Житий, можно задаться целью еще раз уточнить археологию священного места, разобравшись в накопившихся версиях, число которых продолжает возрастать.

Последнюю из таких версий породили археологические разыскания С. Г. Рыжова в 2012—2013 гг. Они выявили следы небольшого античного храма со ступенчатой алтарной площадкой перед ним в северном квартале IX, на углу продольной улицы II и поперечной улицы VIII-а, как подчеркивает сам исследователь, почти рядом с большой агорой, центральной площадью Херсонеса. Этот предполагаемый храм существовал, судя по материалам, с IV в. до н.э. до IV в. н.э., после чего был заброшен и основательно сnivelирован при позднейших застройках. Поскольку рядом с храмом находилось пещерообразное сооружение (3,9 × 3,0 × 2,2 м) с провалившимся сводом и параллельным ему, вырубленным в скале, узким десятиметровым коридором, этот комплекс было предложено рассматривать как легендарную «пещеру Парфенон», в которой в IV в. укрывался от «поклонников идолов» один из первых епископов города — св. муч. Василей (Рыжов 2015: 5—30).

С. Г. Рыжов справедливо связывает обнаруженное с ориентирами, указанными в Житиях для так называемой Феоны — восточной стороны города, но, вслед за В. В. Латышевым (Латышев 1906: № 3), предлагает включать в этот регион, по сути дела, половину всего города — от середины Северного берега до района прилегающего к гавани, к Карантинной

бухте на юге. В данном случае авторитет В. В. Латышева воздействует столь сильно, что перестает замечаться другая реальность.

Между тем источник достаточно точно определяет границы Феоны от «так называемой Малой агоры», или «от улицы, именуемой «Малая площадь»», до места, носившего агороним Парфенон (Парфенион, Парфенеон, Парфений), где находился поначалу храм Девы (Партенос), а, позднее, как указано в Житиях, был возведен храм (базилика) во имя первоверховного ап. Петра, отождествляемый с Восточной базиликой (№ 36) на восточном мысу города, откуда следовала магистральная I продольная улица (Жития епископов Херсонских 2012: 24, 27, 44, 63, 86, 91, 95, 132—312; Сорочан 2006: 223—230; Сорочан 2007: 143—149; Сорочан 2012: 218—229; Сорочан 2013: 20—32, 75—89, 240—279).

Существование «регеона так называемой Малой агоры» в позднеримском и ранневизантийском Херсонесе засвидетельствовано в Житиях свв. еп. Херсонских, автор которого, хорошо знакомый с топографией и культурным пространством города, поместил его в начале «восточного района городища» (Жития епископов Херсонских 2012: 24, 27, 63, 86; Латышев 1906: 62, 71, §17). В Макарьевской минее по Успенскому списку XII в. «Феонин город» указан идущим «от улицы, именуемой Малый Торг («Малая площадь») и даже до так называемого Парфенеона» (Жития епископов Херсонских 2012: 86). Если следовать традициям планировки, унаследованной херсонеситами от римлян, то восточная часть, сторона, или восточный «район» четко выделяется пересечением двух главных улиц, магистральной (I продольной) и поперечной, этих своеобразных *decumanus maximus* и *cardo maximus* первых веков н.э. В этом случае основная поперечная улица (она же 15-я улица) тянулась от Южных городских ворот, устроенных в конце I—II вв. между прямоугольной башней XII и полукруглой башней XIII в 14-ой куртине оборонительных стен (Бертье-Делагард 1996: 110—111). На это обстоятельство обратила внимание И. А. Антонова, но она не пошла дальше предположения о наличии поблизости площади, которую «окружали крупные общественные постройки». Характер сделанных в этом районе находок позволил Л. В. Марченко поддержать это мнение, указав, что в эллинистический и римский период «на территории кварталов, расположенных по обе стороны Главной улицы между 11-ой и 15-ой поперечными улицами, находились здания общественного характера и, возможно, площадь и храм перед театром», однако и он не связал этот ориентир с указаниями херсонесской агиографии (Марченко 1999: 105).

Очевидно, именно Южные ворота херсониты называли «Мертвыми», как это следует из старославянских и древнегрузинской версий Житий, сделанных на основе греческого оригинала, протографа (Жития епископов Херсонских 2012: 61, 65, 85, 93; Латышев, Кекелидзе 1913: 83—88, §3; Макарий (Булгаков) 1994: 327). В них говорится, что в IV в. через эти врата тела убитых язычниками епископов Евгения, Агафодора и Елпидия (Елпидиофора) выволокли из города и «...бросили на восточной стороне» («...повергоша на восточной стране на изъядение псом их»). Это были единственные ворота, расположенные против обширного некрополя около Карантинной бухты, а «Мертвыми» их называли, конечно, потому, что через них обычно выносили покойников, чтобы по дороге, пролежавшей именно по периболу, между двумя оборонительными стенами, доставить для погребения на обширное кладбище около Карантинной бухты. Следует особо отметить, что херсонеситы относили эти ворота к «восточной стороне», то есть все тому же «восточному району города», именуемому Феона («Феонина»).

Остатки этих ворот с фундаментом башни для их защиты впервые описал посетивший осенью 1825 г. Севастополь викарий армянской католической церкви Тавриды Минас Бжешкьян (Тункина 2002: 509). Впоследствии они были разобраны и засыпаны по

распоряжению монастыря Св. Владимира. Судя по сохранившимся планам, снятым К. К. Косцюшко-Валюжиничем, ворота были построены в системе дипилона, причем коридор, прикрытый дополнительно протехисмой, выступал снаружи линии обороны и имел два запора (Гриневиц 1959: 86). По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, этот пилонообразный проход с коробовым сводом прикрывал расположенный над ним башенный ярус обороны, который заменял башню по середине весьма длинной 14-й куртины, достигавшей около 65 м (Бертье-Делагард 1907: 135).

Примечательно, что в Константинополе в основной оборонительной стене Феодосия тоже были очень похожие ворота, выведившие за пределы города, на некрополь и к церкви Св. Мокия, которая, как и херсонский загородный храм Богородицы Влахернской, располагалась прямо среди могил (Сорочан 2004: 211—232; Сорочан 2009: 168—178; Mango 2004: 24). Они назывались Воротами Кладбища (ныне — Ени Мевлевихане капу).

Уже в 30 м от начала херсонских Мертвых ворот 15-я поперечная улица пересекалась с магистральной I продольной улицей, которая в свою очередь четко очерчивала северную границу восточного района города. О том, что «регеон так называемой Малой агоры» («Малой площади») и, значит, она сама издавна располагались вокруг этого своеобразного «крещатика» Херсонеса свидетельствует существование поблизости античного театра, вероятно, здания гимназия (большинство надписей, относящихся к последнему, были обнаружены в этой части района), а также других общественных построек и, вероятно, храмов (Марченко 1999: 101—106, рис. 1—3).

К. К. Косцюшко-Валюжинич первым обратил внимание на необычно большую, достигавшую 7,4 м, ширину обеих главных улиц на этом участке, и, исходя из этого, верно отметил их «видную роль в византийскую эпоху» (Косцюшко-Валюжинич 1907: 132, табл. III). Здесь действительно образовывалась «так называемая» «Малая площадь». Становится понятно, почему составитель агиографического источника, знакомый с топографией города, указал на нее как на «так называемую», а не просто на агору или площадь: собственно таковой здесь не было. К. К. Косцюшко-Валюжинич подчеркнул, что «направление и обе стороны той и другой улицы определяются сохранившимися кладками римско-византийской эпохи» (Таврическая губерния 1908: 38, табл. II). Эти же кладки определяют наличие здесь в раннем средневековье крупных сооружений государственного, гражданского, несомненно, потестарного, в том числе, может быть, административного и торгового характера, которые размещались в кварталах, выходивших на названные улицы. К сожалению, обстоятельства не позволили провести раскопки в расположенных к северу XXXIII, XXXIX и XLV кварталах, и, тем самым, исследовать все стороны «регеона Малой агоры». Но и того, что было найдено достаточно для вывода в пользу существования здесь важного, престижного общественного центра города.

По мнению К. К. Косцюшко-Валюжинича, уже в позднеимперскую эпоху частью на материковой скале, а частью на развалинах эллинистических построек, причем с использованием техники кладки *opus mixtum*, на месте северной части кварталов LXXI—LXXII было сооружено обширное гражданское общественное здание («здание Г») с толстыми стенами на прочном известковом растворе, с подвальным этажом (Косцюшко-Валюжинич 1905: 44—48, табл. II; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет за 1903 год. НА НЗХТ. Д. 12. Л. 12—15; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет за 1905 год. НА НЗХТ. Д. 14. Л. 2). Оно располагалось рядом с перекрестком у Мертвых ворот, где только и могла находиться «так называемая Малая агора», «Малая площадь», от которой, согласно Житиям епископов Херсонских, простиралась точка отчета территории восточной части города. При строительстве монастырской новой кухни и трапезной в 1914—1916 гг. откопанное в 1903—

1904 г. строение оказалось уничтожено. Но, весьма вероятно, что руины именно этого исчезнувшего обширного здания, раскинувшегося на половину двух смежных кварталов и еще хорошо заметного в 1578 г., назвал «царским дворцом» посол польского короля Мартин Броневский (Описание Татари 1867: 342). Действительно, это загадочное сооружение, обозначенное на планах раскопок буквой «Г», было примечательно необычайно большими размерами, наличием множества помещений и особым видом, что позволило К. К. Косцюшко-Валюжиничу образно назвать его «замком, в котором помещались правительственные учреждения» (Косцюшко-Валюжинич 1905: 47). Оно располагало с западной стороны обширным двором, обнесенном стенами, в углу которого находилась цистерна и довольно крупная базиликальная церковь (17,78 × 6,08 м) с кимитирием из пяти гробниц с многоярусными погребениями перед порогом и в притворе и со сводчатым склепом — криптой. С северо-восточной стороны на широкую продольную улицу выводили ворота, а с противоположной стороны, к ограде соседнего крупного и высокого крестовидного «храма с ковчегом» (№ 19) вели еще одни ворота и две калитки на равном расстоянии от ворот (Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет за 1905 год. НА НЗХТ. Д. № 14. Л. 2). Не исключено, что именно им, судя по условиям находки, принадлежали обломки «от массивной бронзовой львиной головы очень грубой работы, с отверстием по обеим сторонам пасти для укрепления кольца» (Косцюшко-Валюжинич 1905: 140; Таврическая губерния 1908: 42). Такие ручки, сравнительно редкие, имели, видимо, наружные двери общественных зданий Херсона VI—XII вв. (Денисова 2005: 41—42, рис. 1).

Сооружение было оборудовано целой сетью черепичных водостоков и каменными, в виде, тумб, трубами для сбора с крыш дождевой воды, отвесно проходившими через капитальную стену. Главный водосточный канал этого здания вместе с еще одним небольшим рукавом с восточной стороны выводил в водосточный канал соседней улицы, а другой водосток, более узкий, направлялся от главного водостока на юг, к 15-й куртине городской оборонительной стены (Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет за 1903 год. НА НЗХТ. Д. № 12. Л. 5). Полы в здании были из каменных плит (одна из них с тремя отверстиями в углублении для слива под пол, в сточный канал), а двери арочными, что тоже свойственно византийским дворцам. К. К. Косцюшко-Валюжинич отметил, что ограда от угловой внутримоховой церкви и до проезда к «храму с ковчегом», на всем своем протяжении, была застроена с внутренней стороны «...помещениями № 24—29, квадратной формы, сложенными на извести, с водостоками в четырех из них, выходящими на главную поперечную улицу и соединяющимися с главным коллектором» (Косцюшко-Валюжинич 1907: 132, табл. III; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет за 1905 год. НА НЗХТ. Д. № 14. Л. 2; Таврическая губерния 1908: 39—40, табл. II). Назначение этих помещений ранневизантийской эпохи осталось не выясненным, однако некоторая изолированность их друг от друга и вытянутость вдоль широкой улицы, выводившей к своеобразному «крещатику» — центру «Малой агоры», позволяют подозревать в них лавки — эргастии или складские помещения.

На основании каменных тумбообразных и черепичных водостоков заведующий раскопками относил постройку к «римской эпохе», хотя входившие в его комплекс помещения № 24—29, как и ограду всего «здания Г», он же определял принадлежащей к «римско-византийской эпохе», а в другом варианте отчета — к «ранней византийской эпохе» (Косцюшко-Валюжинич 1905: 132; Таврическая губерния 1908: 40). Как бы то ни было, сооружение активно использовалось и в раннее средневековье. В отчете К. К. Косцюшко-Валюжинича фигурирует упоминание о множестве фрагментов византийской глиняной и стеклянной посуды, «бронзовых монет Херсонеса византийской эпохи», а находки

средневековых черепиц с метками указывают, что «дворец» подвергался перестройкам, благополучно пережив «темные века» (Романчук 1986: 172).

Как и следует ожидать, он не был одинок в этом важном районе города. Напротив ворот «здания Г», через улицу, находились очень похожие на них по размеру и конструкции еще одни ворота (*n*) и две калитки (*o—o*), ведущие через ограду, видимо, в столь же большое здание «римско-византийской эпохи», разместившееся на месте смежных кварталов XXXIII и XXXIX, которое К. К. Косцюшко-Валюжинич открыл в 1905 г., но не смог продолжать раскопки по причине застроенности участка монастырскими строениями (Косцюшко-Валюжинич 1907: 133—134, табл. III; Таврическая губерния 1908: 38).

Особого внимания заслуживает частично раскопанное им потестарное здание напротив отрезка 15-й поперечной улицы, шедшей от Мертвых ворот. Оно имело мощные стены толщиной от 2 до 5 м с контрфорсами, сложенными на известковом растворе, цемянковые и мощные плинфой полы и даже небольшую внутреннюю баню с гипокаустом. Л. А. Голофаст предлагает интерпретировать его как еще одну правительственную резиденцию или даже преторий средневизантийского времени, который с перестройками просуществовал, как и «здание Г», до XIII в. (Голофаст 2009: 278, рис. 3; Косцюшко-Валюжинич 1905: 53—54, табл. IV).

Еще одно здание с многочисленными помещениями (№ 3—23), бутовая на извести кладка которых сохранилась на высоту 0,8—1,42 м, занимало большую часть пространства к юго-западу от 15-ой поперечной улицы (Таврическая губерния. а) Раскопки в Херсонесе 1908: 40, табл. II). Оно подверглось перестройкам в поздневизантийское время, но было сооружено, судя по всему, гораздо раньше, одновременно со «зданием Г». Как и у него, вдоль поперечной улицы следовал ряд помещений квадратной и прямоугольной формы (№ 6, 11, 15, 18—21, 23), тянувшихся до самых Мертвых ворот, причем два из них (№ 15 и 18) имели выходы на улицу и, следовательно, тоже могли быть самостоятельными эргастирями¹.

Не исключено, что тыльную, западную сторону обширного здания, выходящую на соседний ранневизантийский общественный комплекс с вместительным городского водохранилища у куртины 13, замыкала стена с четырьмя пилястрами, на которых, вероятно, покоились концы арочной конструкции². Эта стена как бы очерчивала границы «региона так называемой Малой агоры», отделяя его потестарную структуру от еще одного, видимо, иного по характеру, общественного монументального комплекса, включавшего термы или больницу, рядом с указанным обширным городским гидросооружением³.

Примечательно, что в глубине комплекса построек вдоль начального отрезка 15-й поперечной улицы, почти вплотную к стене с пилястрами и в 15 м от городских «Мертвых ворот», рядом с 14-ой куртиной, под углом к ней, в соседстве с помещениями 16, 17, 22 и 23 оказалось уникальное для византийского Херсона, довольно значительное прямоугольное «помещение В» с несколькими водостоками вдоль стен и под каменными плитами пола, которое, судя по ряду характерных конструктивных элементов и обилию пропущенной воды, могло быть общественным туалетом — латриной (афедроном), способным принять до 30 человек одновременно⁴. Совершенно очевидно, что помещение находилось в связи с

¹ Ср. материалы Сард VII в. (Mango 2001: 93—95).

² Считать эти пилястры основанием для колонн портика с архитектурной точки зрения едва ли возможно, поскольку лежащая напротив стена водохранилища не имела аналогичных несущих выступов (Кадеев 1996: 34).

³ Подр. см.: (Буйских 2008: 219—225; Сорочан 2010: 436—456).

⁴ Подр. см.: (Сорочан 2013: 379—381).

упомянутым выше строительным комплексом с водохранилищем-цистерной, действовавшим в раннее средневековье, до начала IX вв., откуда в афедрон и в другие постройки вокруг Малой агоры подавалась вода. Такое санитарно-гигиеническое сооружение, вполне уместное рядом с общественными, административными зданиями, церковным комплексом («храм с ковчегом» № 19, «храм 1958 г.»), продолжало функционировать весь ранневизантийский период и лишь позже подвергалось перестройкам.

В целом, все престижные многокамерные постройки около «крещатика» города — «Малой площади» не находились в запустении в период раннего средневековья. Они сохраняли характер, достойный «регеона так называемой Малой агоры», который херсониты продолжали знать, очевидно, не понаслышке. Причем, судя по всему, эта Малая (нижняя) агора в отличие от Большой (верхней), на акрополе, играла роль не столько торгового, сколько общественного центра, хотя и имела помещения эргастриев, инкорпорированные в просторные здания, раскинувшиеся вокруг на нескольких кварталах (Foss 2002: 76—78).

Маловероятно расположение Малой агоры в III квартале вдоль 5-й поперечной улицы, как предполагала А. И. Романчук (Романчук 1986: 162), поскольку здесь, на небольшом пространстве до Уваровской базилики (№ 23) могло бы поместиться от силы две—три жилые усадьбы площадью по 100—150 кв. м, да и археологически не прослеживается ни торговых, ни административных структур. Помещать Малую агору в портовом районе, около гавани, где она имела бы исключительно торговое значение, тоже нет оснований, хотя такие попытки делаются (Снітко 2005: 12). Если бы эта Малая агора находилась здесь, то она не смогла бы служить ориентиром для отсчета начала восточной части города, как это следует из Житий епископов Херсонских: она бы оказывалась почти вплотную к южной оконечности Большой агоры и по середине восточной части города. И это главное возражение. Не признать указанного обстоятельства, значит искусственно, примерно в два раза сузить то, что было для херсонеситов восточной частью, восточной стороной города, свести ее к сравнительно небольшому пространству от порта до Восточной базилики (№ 36), которая и была храмом ап. Петра. В этом случае остальные части города оказывались бы гораздо больше, нарушая общую пропорцию, которая отчетливо выступает при пересечении магистральной I продольной и 15-й поперечной улиц в районе описанного выше перекрестка. Да и следов даже небольшой по размерам площади близ Карантинной бухты нет: близость приморской линии обороны порта, стиснутой с севера возвышенностью акрополя, еще более увеличивала здесь плотность застройки.

Противоположную сторону обозначенного в Житиях епископов Херсонских восточного района города замыкала, как уже сказано, Восточная базилика с примыкающей площадью древнего, священного теменоса Херсонеса. Она идеально подходит для известного житийного ориентира, увязываемого с христианской, сакральной топографией города. Из Житий вполне определенно следует, что «в восточном районе города», начинавшемся от «регеона» с «так называемой Малой агорой», функционировал как раз храм апостола Петра (Жития епископов Херсонских 2012: 24, 27, 42, 47, 63, 86, 91, 95)⁵. Еще раз подчеркнем очевидный факт: этот «восточный район» без труда помогает локализовать ясно выраженная в первые века н.э. ортогональная конфигурация городской планировки, отчего «в восточном районе города» четко соответствовала тому городскому региону (одному из четырех), который образовывало пересечение магистральной I продольной и 15-й поперечной улиц напротив «Мертвых ворот», унаследованное еще от римской эпохи. Прежде,

⁵ О значении слова *μέρος*, формах территориальной общности горожан в византийских центрах и обосновании локализации восточной части города — «Феоны» подр. см.: (Мак-Дауелл 2005: 152; Сорочан 2001: 60—61, 97—98).

эллинистическое деление на девять магистральных продольных и поперечных улиц, если оно вообще имело место, совершенно очевидно, утратило свое значение ко II в. н.э. и ведущая роль до конца существования города перешла к двум главным, наиболее широким улицам, достаточно хорошо просматривающимся на археологической карте города (Буйских 2008: 101, 167—168, 174, 206—208; Буйских, Золотарев 2001: 129). Доказывать существование такой планировочной системы из двух главных улиц, наложившуюся на прежнюю гипподамову систему планировки, нечего, поскольку она стала отчетливо видна уже после первых масштабных раскопок города и еще более отчетливо просматривается ныне. Очерчиваемая таким образом *μέρος*, она же — «Феонина сторона», включала участок от южных, «Мертвых ворот», поблизости от которых, у перекрестка, как мы уже выяснили, находилась так называемая Малая агора и крупные общественные, потестарные многокамерные постройки, а затем имела своей северной границей значительный, почти 600-метровый отрезок магистральной I продольной улицы, оканчивавшейся у Восточной площади на обрывистом берегу моря.

Примечательно и очень важно для верности наших наблюдений, что место, где стоял христианский храм, базилика, сохранило и в раннесредневековый период старый агороним — «Парфенон» («Парфенеон») (Жития епископов Херсонских 2012: 24, 27, 63, 86), недвусмысленно указывающий на то, что прежде именно здесь мог находиться тот самый упоминаемый в некоторых списках источника храм, «так называемый идол Парфения», вероятно, древний ксоанон богини Девы (Сотейры, Простаты, Басилиссы), о котором, наряду с одноименным храмом, упоминал Страбон (Strabo, VII, 4, 2), и взамен которого присланный при Феодосии Великом (379—395) из Константинополя епископ Капитон решил построить «неф» (храм, церковь) во имя Петра — «корифея апостолов», что и породило спор епископа с неверными, закончившийся знаменитым чудом с печью (Жития епископов Херсонских 2012: 42, 44, 91). Очевидно, это было языческое святилище богини Девы — Афины Спасительницы, защищавшей и приносившей удачу, или Артемиды Ортии (она же Партенос), а, может быть, и обеих вместе. Во всяком случае, херсонеситы всегда видели в своей Партенос Артемиду, дочь верховного олимпийского бога Зевса и Латоны, сестру и паредру Аполлона⁶. По мнению Б. Н. Федорова, в северном конце вымощенной каменными плитами приморской площади, образывавшей удлиненный прямоугольник размерами около 30 × 9 м, существовал монументальный храм, возможно, Афродиты, еще одной Девы, покровительницы моряков и мореплавателей, а перед ним по сторонам находились две небольшие постройки, которые, вероятно, были сокровищницами и фланкировали теменос с запада и востока (Федоров 1980: 17—22; Федоров 1985: 8—11). Результаты исследований М. И. Золотарева и А. И. Буйских, признанные другими исследователями, подтверждают, что священный участок — теменос города с храмами, центральным алтарем и уникальной для Северного Причерноморья монументальной бронзовой статуей Афины Сотейры работы афинского скульптора Поликрата IV в до н.э. располагался в античном Херсонесе именно здесь, а сама статуя, стоявшая на краю высокого мыса и достигавшая вместе с постаментом 5 м, могла в свое время служить одновременно ориентиром — маяком, указывая на вход в гавань (Золотарев, Буйских 1994: 78—101; Кадеев 1996: 26; Трейстер 1999: 127—128, 142, №8(29); IosPE I² 344, 406; Zolotarev, Bujskikh 1995: 125—156). В любом случае, нет ни малейших сомнений в том, что древнейший приморский храмовый участок города был связан с присутствием женского божества, которое херсонеситы привычно называли Партенос (Парфенос). Столь же важно, что он находился на одной прямой линии с Большой

⁶ Подр. см.: (Буйских 2008: 171—174; Русяева, Русяева 1999).

и Малой агорой. Другого, более подходящего места для организации теменоса с наосом Партенос на территории Херсонеса неизвестно. По этой же причине одноименную пещеру некоторые исследователи предлагали локализовать собственно в Парфеноне, под Восточной площадью, в урезе высокого 12-метрового берега, разрушаемого морем, и по этой причине исчезнувшей (Буйских 2008: 173, прим. 104). Жаль, источник не позволяет столь просто соотнести два разных объекта, объединенных лишь названием, да и вряд ли агиограф не отметил бы столь важный факт, имея он связь с местоположением храма апостола Петра.

Символизм и значительность описанного в Житии св. Капитона действия, происходившего на Восточной площади, становится гораздо рельефнее и понятнее с учетом того, что происшедшее крещение увязывается не с любым другим местом, но именно с тем, где херсонеситы долгое время, вплоть до начала массовых гонений на язычников в конце IV в., почитали богов своих главных, государственных, полисных культов, выражали свое не только религиозное, но также политическое и социальное благочестие и набожность. Демонстрация бессилия богов искорененного херсонесского Парфенона и явилась окончательным знаменательным событием на оскверненном, с точки зрения язычников, теменосе, ставшем в свою очередь надежным гарантом, что обратного пути не будет. Таким образом, сначала ранний храм св. Петра, а затем сменившая его одноименная базилика № 36 стали служить крайней восточной точкой во время стациональных литургий — богослужебных последований, процессий, связанных с именем первоверховного апостола и с почитанием священномучеников — первых епископов Херсонских. Со временем даже само название Парфенон могло окраситься новым, хорошо понятным для местных христиан смыслом, вытеснившим прежний, поскольку одно из принятых в ромейском обществе определений Богоматери звучало как Parthene — Дева, в чем, разумеется, уже не было ничего «эллинского».

Д. Ю. Коробкову принадлежало предположение, что разрушение языческого храма, вопреки указанию житийного источника, могло быть не одновременно крещению херсонеситов. Он связывал его с событиями третьей четверти V в., — времени пребывания в Херсонесе ссыльного александрийского архиепископа, монофисита Тимофея Элуря, горячего, несдержанного проповедника, который мог вдохновить горожан на обновление храма, якобы переделанного из иудейской синагоги на Северном берегу, в квартале XIX. В этом случае храм Петра соотносится с базиликой 1935 г., которая действительно находилась ближе к тем двум известеобжигательным печам на юго-западной оконечности городища, недалеко от «Иера», «Святых (Красивых) ворот», продукцию которых, согласно херсонскому агиографу, использовали для сооружения баптистерия. Однако приведенные выше соображения позволяют куда логичней, чем гипотетическое расположение легендарных известеобжигательных печей (Жития епископов Херсонских 2012: 160—164, 203—273), объяснить необходимость возведения крещальни именно на противоположном конце города, у начала магистральной улицы: там располагалось священное для многих поколений херсонеситов место, которое Церковь должна была освоить в первую очередь как понятый всеми знак своей окончательной победы над «эллинами» и иудеями. К тому же версия Д. Ю. Коробкова не в состоянии объяснить, почему крайний участок на Северном берегу горожане стали бы звать «Парфенон», и уж тем более он не подходит для житийного ориентира, совершенно определенно указанного применительно к восточной части городища.

По тем же причинам не может устраивать и версия А. И Романчук, которая попыталась связать с храмом апостола Петра раннюю, большую, с пятигранной апсидой «базилику на холме» («базилику Б», по С. А. Беляеву) в начале западной части города (Романчук 1985: 126). Она мотивировала свои соображения тем, что базилика № 14 находится ближе

других к четырехасидному мартирию № 47, на месте которого в IV в., по ее мнению, стояла легендарная известеобжигательная печь, а базилика датируется С. А. Беляевым тем же временем. Однако последнее вызывает серьезные сомнения и к тому же не увязывается с названием места Парфенон, где, согласно Житиям епископов Херсонских, был воздвигнут храм апостола Петра. Показательно, что в последующих работах А. И. Романчук не стала развивать свою гипотезу и вновь вернулась к ставшей привычной точке зрения В. В. Латышева.

Другой ориентир, который обычно выбирают исследователи для идентификации с храмом апостола Петра, — большая Уваровская базилика или некий гипотетичный ранний храм, в том числе малый базиликальный храм «А» рядом с ней на Северном берегу городища, на месте кварталов IV—V, не подходит на эту роль все по тем же причинам, но зато удачно соотносится с известной из агиографических источников херсонской «кафоликой церковью» — храмом свв. апп. Петра и Павла (Беляев 2001: 5—28; Латышев 1906: 54—55; Романчук 1986: 162; Якобсон 1959: 159—160).

Следовательно, можно с достаточно большой степенью уверенности остановиться на Восточной базилике и примыкающих к ней культовых сооружениях как на том, что в раннесредневековую эпоху высилось на приморской площади, по давней традиции именуемой херсонитами Парфеноном. Даже одержав полный триумф, новая религия оказалась не в состоянии искоренить этот древнейший агороним города, несмотря на его языческое звучание, покорно унаследованный христианством.

Еще раз следует подчеркнуть, что установленные нами границы вполне определенно увязываются с ясно выраженной в первые века н.э. ортогональной конфигурацией городской планировки. Согласно ей, житийная «в восточной части города» четко соответствовала одному из четырех городских регионов, который образовывало пересечение магистральной I продольной и 15-й поперечной улиц. Если же признать предположения В. В. Латышева, Д. Ю. Коробкова, А. И. Романчук, С. Г. Рыжова, тогда «восточный район» Херсонеса охватывал бы крупнейшие памятники северной и центральной части города, включая весь акрополь, что совершенно не реально.

Наконец, следует обратить внимание на одно принципиально важное обстоятельство: на заброшенном после IV в., прочно забытом месте храма в квартале IX а херсонеситы со временем не воздвигли меморий, мартирий или церковь. Между тем это было бы вполне обычным, даже обязательным в случае идентификации ими прежнего языческого сооружения с такой «вторичной реликвией» как место, в котором, по преданию, укрывался их особо почитаемый святой.

Такой мартирий с наземной однопасидной церковью и подземной тетраконхальной криптой («пещерный храм») хорошо известен в восточном углу квартала III именно в восточном районе города. Его не надо искать, он давно найден⁷. Уже в начале XX в. Д. В. Айналов высказал убедительное предположение, что в случае с «пещерным храмом» на главной улице (магистральной I продольной) и с житийной «пещерой Девы» мы имеем один и тот же ориентир. Святилище, существовавшее здесь, в нескольких десятках метров от теменоса Парфенон, возможно, с конца эллинистической эпохи или с первых веков н.э., было в IV в. заброшено, на его месте возник хозяйственный комплекс ранневизантийского времени, но затем, после каких-то неведомых нам событий, скорее всего, связанных с благочестивыми поисками горожанами своих христианских реликвий, оно вновь стало местом поклонения христиан, устраивавших взамен языческих свои святыни. Не исключено,

⁷ Подр. см.: (Жития епископов Херсонских 2012: 142—150; Сорочан 2013: 75—89).

что после сноса остатков разрушенного хозяйственного комплекса V—VI вв. и оборудования крипты сюда были помещены частицы мощей св. Василия, небесным покровительством которого крещенные херсониты особо дорожили. Этот средневековый мартирий с его ярко выраженным «пещерным обликом» идеально соотносится со всеми реалиями христианской топографии херсонского агиографа, и поэтому с куда большим основанием, чем остальные сооружения такого рода, может быть включен в круг сакральных памятников, претендующих на связь с культом св. муч. епископа Василия в Херсонесе—Херсоне. Видимо, именно этот критерий — маририальный характер «пещерного» памятника следует считать решающим при идентификации искомого места на топографической карте христианского города.

Литература

- Антонова И. А. 1996. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки. *ХСб.* VII, 101—131.
- Беляев С. А. 2001. О храме апостола Петра в Херсонесе. В: *Восьмые Рождественские образовательные чтения: Церковные древности*. Москва: [б.и.], 5—28.
- Бертъе-Делагард А. Л. 1907. О Херсонесе. Крестообразный храм. Крещальня. Крепостная ограда. В: *ИАК*. Вып. 21. Санкт-Петербург: Типография В. Ф. Киршбаума.
- Буйских А. В., Золотарев М. И. 2001. Градостроительный план Херсонеса Таврического. *ВДИ* 1, 111—132.
- Буйских А. В. 2008. *Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху*. Симферополь: ТОВ «Керченська міська друкарня» (МАИЭТ Suppl. 5).
- Голофаст Л. А. 2009. Градостроительный облик Херсона в XIII веке. *МАИЭТ* XV, 275—377.
- Гриневиц К. Э. 1959. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 3: Южная и Западная линия обороны. *ХСб.* V, 75—114.
- Денисова Е. А. 2005. «Львиные мотивы» на средневековых памятниках Херсонеса. В: Бабинов Ю. А. *Символ в религии и философии. Сборник научных трудов*. Севастополь: НЗХТ, 41—42, рис. 1.
- Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического*. 2012. В: Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К. *Нартекс. Byzantina Ukrainensis*. Т. 1. Харьков: Майдан.
- Золотарев М. И., Буйских А. И. 1994. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции. *ВДИ* 3, 78—101.
- Кадеев В. И. 1996. *Херсонес Таврический. Быт и культура*. Харьков: Бизнес Информ.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. 1905. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году (с 7 табл. И 55 рисунками). В: *ИАК*. Вып. 16. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов, 37—110.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. 1907. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году (с 5 табл., 45 рисунками и 3 приложениями М. И. Скубетова и А. Годзишевского). В: *ИАК*. Вып. 25. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов, 67—171.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет за 1903 год. НА НЗХТ. Д. 12. Л. 12—15.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет за 1905 год. НА НЗХТ. Д. 14. Л. 2.
- Латышев В. В. 1906. Жития святых епископов Херсонских. Исследования и тексты. *ЗАН*. Серия VIII. *Историко-филологическое отделение*. Т. 8. № 3. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Латышев В. В., Кекелидзе К. 1913. Житие свв. епископов Херсонских в грузинской минее. В: *ИАК*. Вып. 49. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов, 75—88.
- Макарий (Булгаков). 1994. *История русской Церкви*. Кн. 1. Москва: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь.
- Мак-Дауелл Д. 2005. *Нові незаперечні свідчення, що потребують вироку*. Черкаси: Стефанус.
- Марченко Л. В. 1999. Эллинистический комплекс у перекрестка главных магистралей города. *ХСб.* X, 101—106.
- Описание Крыма (Tartariae descriptio) Мартина Броневского. 1867. В: Шершеневич И. Г. (пер.). *ЗООИД*. Т. VI. Одесса: Городская типография сод. Х. Алексомати, 333—367.
- Романчук А. И. 1985. Раннесредневековые комплексы Херсонеса. В: Vavřínek V. (ed.). *From Late Antiquity to Early Byzantium. Proceeding of the Byzantinological Symposium in the 16th International Eirene Conference*. Praha: Academia, 123—135.
- Романчук А. И. 1986. *Херсонес XII—XIV вв.: Историческая топография*. Красноярск: Красноярский университет.
- Русева А., Русева М. 1999. *Верховная богиня античной Таврики*. Киев: Наукова думка.
- Рыжов С. Г. 2015. Античный храмовый комплекс в Северном районе Херсонеса. *МАИЭТ* XX, 5—30.
- Снітко І. А. 2005. *Методика реконструкції античного міста (на приклади Херсонеса Таврійського)*. Автореферат дис. ... канд. архітектури. Харків.

- Сорочан С. Б. 2001. *Византия IV—IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена*. Харьков: Майдан.
- Сорочан С. Б. 2004. К вопросу о датировке и интерпретации херсонского загородного монастыря Богоматери Влахернской. *ХСб.* 13, 211—232.
- Сорочан С. Б. 2006. О базилике апостола Петра и храмовом комплексе Восточной площади византийского Херсона. *ВВ* 65(90), 223—230.
- Сорочан С. Б. 2007. О малой агоре византийского Херсона. В: Болгов Н. Н. (ред.). *Мир Византии. Материалы международного научного семинара. г. Белгород, 27-28 октября 2006 г.* Белгород: БелГУ, 143—149.
- Сорочан С. Б. 2009. О византийском принципе перенесения сакрального пространства на примере херсонского храма Богоматери Влахернской. *Древности* 2009, 168—178.
- Сорочан С. Б. 2010. Еще раз о монументальном архитектурном комплексе в южном районе византийского Херсона. *БИ* 24, 436—456.
- Сорочан С. Б. 2012. О «так называемой малой агоре» и Воротах мертвых ранневизантийского Херсона. В: *ССб.* Вып. 5. Киев; Судак: ТОВ «Горобец», 218—229.
- Сорочан С. Б. 2013. *Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры.* Ч. 2. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке.
- Таврическая губерния. а) Раскопки в Херсонесе. 1908. В: *ОАК за 1905 год.* Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов, 38—57.
- Трейстер М. Ю. 1999. Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья. *ХСб.* X, 121—158.
- Тункина И. В. 2002. *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.).* Санкт-Петербург: Наука.
- Федоров Б. Н. 1980. Объемнопространственная композиция северо-восточной площади Херсонеса Таврического и ее реконструкция. *Проблемы развития зарубежного искусства* 10, 17—22.
- Федоров Б. Н. 1985. К вопросу о реконструкции северо-восточной площади Херсонеса Таврического. *КСИА* 182, 8—11.
- Якобсон А. Л. 1959. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры. В: *МИА.* № 63. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Foss C. 2002. Life in City and Country. В: Mango C. (ed.). *The Oxford History of Byzantium.* Oxford: Oxford University Press, 71—95.
- IOSPE I²: Latyshev B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae.* Vol. I. Petropoli: Типография Императорской академии наук.
- Mango C. 2004. *Le développement urbain de Constantinople: IVe—VIIe siècles.* Paris: De Boccard.
- Mango M. M. 2001. «Beyond the amphora»: non-ceramic evidence for late antique industry and trade. В: Kinsley S., Decker M. (eds.). *Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity.* Oxford: Oxbow, 87—106.
- Zolotarev M. I., Bujskikh A. V. 1995. The Temenos of Ancient Chersonesos: An Attempt of an Architectural Reconstruction. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.* Vol. 2. No. 2, 125—156.

References

- Antonova, I. A. 1996. In *Chersonesskij sbornik (Chersonese Collected Works)* VII, 101—131 (in Russian).
- Beljaev, S. A. 2001. In: *Vos'mye Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chtenija: Cerkovnye drevnosti (Eighth Christmas Educational Readings: Church Antiquities).* Moscow: [s.n.], 5—28 (in Russian).
- Bertier Delagarde, A. L. 1907. In: *Izvestija Imperatorskoj Arheologiceskoj komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission).* Iss. 21. Saint Petersburg: “Tipografija V. F. Kirshbauma” (in Russian).
- Bujskikh, A. V., Zolotarev, M. I. 2001. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 1, 111—132 (in Russian).
- Bujskikh, A. V. 2008. *Prostranstvennoe razvitie Chersonesa Tavricheskogo v antichnuju jepohu (Spatial development of Tauric Chersonesos in the ancient era).* Simferopol: “TOV «Kerchen'ska mis'ka drukarnja»” (*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria* Suppl. 5) (in Russian).
- Golofast, L. A. 2009. In *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XV, 275—377 (in Russian).
- Grinevich, K. Je. 1959. In *Chersonesskij sbornik (Chersonese Collected Works)* V, 75—114 (in Russian).
- Denisova, E. A. 2005. In: Babinov, Ju. A. *Simvol v religii i filosofii. Sbornik nauchnyh trudov (Symbol in religion and philosophy. Collection of scientific papers).* Sevastopol: “NZHT”, 41—42, ris. 1 (in Russian).
- Zhitija episkopov Chersonskih v kontekste istorii Chersonesa Tavricheskogo (Lives of Bishops of Cherson in the context of the history of Tauric Chersonesos).* 2012. In: Mogarichev, Ju. M., Sazanov, A. V., Sargsjan, T. Je., Sorochan, S. B., Shaposhnikov, A. K. *Narteks. Byzantina Ukrainensis.* Vol. 1. Kharkiv: “Majdan” Publ. (in Russian).
- Zolotarev, M. I., Bujskikh, A. I. 1994. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 3, 78—101 (in Russian).
- Kadeev, V. I. 1996. *Chersones Tavricheskij. Byt i kul'tura (Tauric Chersonesos. Life and culture).* Kharkiv: “Biznes Inform” Publ. (in Russian).

- Koscjushko-Valjuzhinich, K. K. 1905. In: *Izvestija Imperatorskoj Arheologicheskoj komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)*. Iss. 16. Saint Petersburg: "Tipografija Glavnogo upravlenija udelov", 37—110 (in Russian).
- Koscjushko-Valjuzhinich, K. K. 1907. In: *Izvestija Imperatorskoj Arheologicheskoj komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)*. Iss. 25. Saint Petersburg: "Tipografija Glavnogo upravlenija udelov", 67—171 (in Russian).
- Koscjushko-Valjuzhinich, K. K. Otchet za 1903 god. NA NZHT. D. 12. L. 12—15 (in Russian).
- Koscjushko-Valjuzhinich, K. K. Otchet za 1905 god. NA NZHT. D. 14. L. 2 (in Russian).
- Latyshev, V. V. 1906. In: *Zapiski Akademii nauk (Notes of the Academy of Sciences)*. Serija VIII (Series 8th). Istoriko-filologicheskoe otdelenie (Historical-Philological Department). Vol. 8. No. 3. Saint Petersburg: "Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk" (in Russian).
- Latyshev, V. V., Kekelidze, K. 1913. In: *Izvestija Imperatorskoj Arheologicheskoj komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)*. Iss. 49. Saint Petersburg: "Tipografija Glavnogo upravlenija udelov", 75—88 (in Russian).
- Makarij (Bulgakov). 1994. *Istorija russkoj Cerkvi (History of the Russian Church)*. Bk. 1. Moscow: "Spaso-Preobrazhenskij Valaamskij monastyr" (in Russian).
- Mak-Dauell, D. 2005. *Novi nezaperechni svidchennja, shho potrebujuť viroku (New and undeniable evidence that requires conclusions)*. Cherkasy: "Stefanus" Publ. (in Ukrainian).
- Marchenko, L. V. 1999. In *Chersonesskij sbornik (Chersonese Collected Works)* X, 101—106 (in Russian).
- Opisanie Kryma (Tartariae descriptio) Martina Bronevskogo*. 1867. In: Shershenevich, I. G. (transl.). *Zapiski Odesskogo Imperatorskogo obshhestva istorii i drevnostej (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)*. Vol. VI. Odessa: "Gorodskaja tipografija sod. H. Aleksomati", 333—367 (in Russian).
- Romanchuk, A. I. 1985. In: Vavřinek, V. (ed.). *From Late Antiquity to Early Byzantium*. Proceeding of the Byzantinological Symposium in the 16th International Eirene Conference. Praha: "Academia" Publ., 123—135 (in Russian).
- Romanchuk, A. I. 1986. *Chersones XII—XIV vv.: Istoricheskaja topografija (Chersonese the XII—XIV centuries: Historical topography)*. Krasnojarsk: "Krasnojarskij universitet" (in Russian).
- Rusjaeva, A., Rusjaeva, M. 1999. *Verhovnaja boginja antichnoj Tavriki (The Supreme Goddess of Ancient Taurica)*. Kiev: "Naukova dumka" (in Russian).
- Ryzhov, S. G. 2015. In *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XX, 5—30 (in Russian).
- Snitko, I. A. 2005. *Methods of reconstruction of Ancient City (on the premises of Tauric Chersonesos)*. PhD Thesis. Kharkiv (in Russian).
- Sorochan, S. B. 2001. *Vizantija IV—IX vekov: etjudy rynku. Struktura mehanizmov obmena (Byzantium of 4th — 9th centuries: market studies. Structure of exchange mechanisms)*. Kharkiv: "Majdan" Publ. (in Russian).
- Sorochan, S. B. 2004. In *Chersonesskij sbornik (Chersonese Collected Works)* 13, 211—232 (in Russian).
- Sorochan, S. B. 2006. In *Vizantijskij vremennik (Byzantinica Xronica)* 65(90), 223—230 (in Russian).
- Sorochan, S. B. 2007. In: Bolgov, N. N. (ed.). *Mir Vizantii. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminar. g. Belgorod, 27-28 oktjabrja 2006 g. (The World of Byzantium. Materials of the international scientific seminar. Belgorod, October 27-28, 2006)*. Belgorod: "BelGU", 143—149 (in Russian).
- Sorochan, S. B. 2009. In *Drevnosti (Antiquities)* 2009, 168—178 (in Russian).
- Sorochan, S. B. 2010. In *Bosporskie issledovanija (Bosporian Studies)* 24, 436—456 (in Russian).
- Sorochan, S. B. 2012. In: *Sugdejskij sbornik (Sugdaia Collected Works)*. Iss. 5. Kiev; Sudak: "TOV 'Gorobec'", 218—229 (in Russian).
- Sorochan, S. B. 2013. *Vizantijskij Cherson (vtoraja polovina VI — pervaja polovina X vv.). Ocherki istorii i kul'tury (Byzantine Cherson (second half of the 6th — first half of the 10th centuries). Essays on History and Culture)*. Pt. 2. Moscow: "Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniju i Nauke" Publ. (in Russian).
- Tavricheskaja gubernija. a) Raskopki v Chersonese (Taurian Gubernia. a) Excavations in Chersonesos)*. 1908. In: *OAK za 1905 god (Report of the Archaeological Commission for 1905)*. Saint Petersburg: "Tipografija Glavnogo upravlenija udelov", 38—57 (in Russian).
- Trejster, M. Ju. 1999. In *Chersonesskij sbornik (Chersonese Collected Works)* X, 121—158 (in Russian).
- Tunkina, I. V. 2002. *Russkaja nauka o klassicheskikh drevnostjakh juga Rossii (XVIII — seredina XIX v.) (Russian science on the classical antiquities of the south of Russia (18th — middle of the 19th century))*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Fedorov, B. N. 1980. In *Problemy razvitija zarubeznogo iskusstva (Problems of the development of foreign art)* 10, 17—22 (in Russian).
- Fedorov, B. N. 1985. In *Kratkie soobshhenij Instituta arheologii (Brief reports of the Institute of Archaeology)* 182, 8—11 (in Russian).
- Yakobson, A. L. 1959. *Rannesrednevekovyj Chersones: Ocherki istorii material'noj kul'tury (Early medieval Chersonese: Essays on the history of material culture)*. In: *Materialy i issledovanija po arheologii SSSR ((Materials*

- and research on the archeology of the USSR*). No. 63. Moscow; Leningrad: “USSR Academy of Sciences Publisher” (in Russian).
- Foss, C. 2002. Life in City and Country. In: Mango, C. (ed.). *The Oxford History of Byzantium*. Oxford: “Oxford University Press”, 71—95.
- IOSPE I²: Latyshev, B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. I. Petropoli: “Tipografija Imperatorskoj akademii nauk”.
- Mango, C. 2004. *Le developpement urbain de Constantinople: IVe—VIIe siècles*. Paris: “De Boccard”.
- Mango, M. M. 2001. «Beyond the amphora»: non-ceramic evidence for late antique industry and trade. В: Kinsley, S., Decker, M. (eds.). *Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity*. Oxford: “Oxbow”, 87—106.
- Zolotarev, M. I., Bujskikh, A. V. 1995. The Temenos of Ancient Chersonesos: An Attempt of an Architectural Reconstruction. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 2. No. 2, 125—156.